

В июльском Хуачэне погода была не слишком жаркой. Налетал лёгкий ветерок — самое время для дневного сна.

Цзян Чэньи лежал на кушетке и уже начинал клевать носом, когда над головой вдруг раздался старческий голос:

— Сяо И, ты внутри?

Молодой человек быстро открыл глаза. То ли свет был слишком ярким, то ли причина была в чём-то другом, но цвет глаз у него казался особенно светлым.

Он поднялся с кушетки и быстрым шагом подошёл к окошку маленького супермаркета.

У окна ждали двое: старик и мальчишка. Судя по лицам, дед и внук.

— Дедушка Чжан, что хотите купить? — лениво спросил он, зевнув.

Мальчишка, стоявший за спиной у деда, до этого бормотал что-то про эту старую лавчонку, но стоило ему увидеть Цзян Чэньи, как взгляд тут же прилип к лицу молодого человека.

Да, он был падок на красивые лица.

Возрастом ещё невелик, зато собственный вкус считал первоклассным.

Он-то думал, что хозяином этой лавчонки окажется старик одного возраста с его дедом, а в итоге перед ним появился молодой человек ненамного старше него самого.

И лицо у этого человека было самым живым и одухотворённым из всех, какие он когда-либо видел. Особенно глаза!

Мальчишка вытаращился на него и в полутумане подумал: знай он раньше, что хозяин здесь такой красивый, надо было привести сюда тех девчонок из класса, которые помешаны на корейских айдолах.

Вопрос: кто прекраснее — он или ваши оппы?!

Пока его маленькая голова витала в беспорядочных фантазиях, Цзян Чэньи уже болтал с дедушкой Чжаном о всяком. Поболтав немного, дедушка Чжан наконец вспомнил, зачем вообще вышел из дома:

— Сяо И, у тебя ещё осталась та горная родниковая вода? Дедушка хочет ящик.

Горная родниковая вода?

Мальчишка тут же пришёл в себя. Он не понимал, почему деду понадобилось идти за родниковой водой именно сюда.

— Есть. Но мои правила вы, наверное, помните, — сказал Цзян Чэнъи.

Его зрачки слегка блеснули, и под солнечным светом в них словно проступило слабое золотистое сияние.

Дедушка поспешно закивал:

— Помню, помню.

Цзян Чэнъи развернулся, вернулся в лавку и прошёл за ширму, к которой была прислонена кушетка.

Вскоре он вышел обратно с ящиком воды на руках.

Он поставил ящик на столик перед окном, достал снизу золотые счёты, прямо перед дедом и внуком пару раз щёлкнул костяшками и сказал:

— С вас двадцать.

Дедушка достал из кармана две купюры по десять юаней, передал их Цзян Чэнъи и велел внуку отнести воду домой.

Мальчишка осмотрел бутылки и обнаружил, что на них даже этикеток нет.

— Дедушка, это же товар без маркировки! — тут же занервничал он.

Мальчишка покосился на улыбающегося молодого человека и про себя тихо фыркнул: не думай, что раз лицо красивое, можно продавать непонятно что. Он ведь и пожаловаться может!

Стоило ему договорить, как дед схватил его за ухо.

— Сам ты без маркировки! Хватит мямлить, бери и тащи домой!

— Эй! Дедушка... не надо, больно-больно-больно!

Под сердитым взглядом деда мальчишка нехотя поднял ящик. Перед уходом он ещё нарочно посмотрел на Цзян Чэнъи: один глаз говорил «ты правда красивый», второй — «но даже красивого я всё равно сдам»!

Эта маленькая мина так развеселила Цзян Чэнъи, что он не удержался от смеха.

Увидев его улыбку, мальчишка мгновенно покраснел до ушей.

В следующую секунду дед снова дёрнул его за ухо.

— Чего уставился? Быстро пошёл! Эта родниковая вода — хорошая вещь. Твой дед только благодаря ей давление и сбивает!

— Это правда родниковая вода? Точно туда никаких лекарств не добавляли?

— Твой дед старый, но не дурак. Добавляли туда что-то или нет, ты лучше врачей знаешь?

Цзян Чэнъи проводил деда с внуком взглядом, а потом развернулся, собираясь вернуться на кушетку и ещё немного вздремнуть.

Восьмисекционная ширма, к которой была прислонена кушетка, была чёрной, с золотыми письменами, и выглядела весьма внушительно. С ветхим наружным видом супермаркета она никак не вязалась.

А за ширмой стояли ряды полок. Товары на них, окажись они снаружи, непременно вызвали бы настоящую драку.

Например, та самая родниковая вода, которую он только что вынес: она не только снижала давление и уровень липидов в крови, но заодно лечила и прочие мелкие недуги.

Но эти так называемые редкости были в супермаркете самым незначительным.

В самой глубине супермаркета находилась плотно закрытая дверь. В этом мире она была заперта уже двадцать два года.

Цзян Чэнъи стоял на месте и, прищурившись, смотрел на эту дверь. Спустя долгое время он протяжно зевнул.

— Спать, спать!

Он только лёг обратно на кушетку, как ещё один мужской голос перебил его сонливость.

— Ты... Цзян Чэнъи, верно?

У окна вдруг появились трое. Мужчина и женщина средних лет, стоявшие впереди, смотрели на него со слезами на глазах. Их взгляды были полны волнения.

Когда он подошёл, эти двое даже протянули руки, словно хотели схватить его за руку.

Цзян Чэнъи сильно нахмурился и инстинктивно отступил на шаг.

Его поступок, похоже, сильно задел женщину: слёзы мгновенно покатались у неё из глаз.

— Ребёнок! Моё дитя!

Услышав слово «дитя», Цзян Чэнъи на миг остановился и сложным взглядом посмотрел на троих перед собой.

Мужчина заметил и его взгляд, и эту паузу, и тут же взволновался:

— Ребёнок, мы твои родные родители! Благодарение небесам, мы наконец нашли тебя!

Они так разволновались, что почти не могли говорить, только без конца плакали.

У третьего человека, стоявшего позади, глаза тоже были красными. Из-за этого его худые щёки казались ещё бледнее.

— Старший брат... Как хорошо, мы наконец нашли тебя! — произнёс он всего несколько слов, и тело его качнулось в сторону: он чуть не упал на землю.

— Сяо Ань! — Средних лет супруги, увидев это, поспешно поддержали его.

Юноша прижал руку к груди и несколько раз тяжело, прерывисто вдохнул. Выглядел он человеком не слишком здоровым.

— Я просто слишком разволновался, потому что мы нашли старшего брата.

Сказав это, он покрылся на бледном лице нездоровым румянцем, и в глазах тоже заблестели слёзы.

— Да-да, мы наконец воссоединились.

С этими словами мужчина и женщина сквозь слёзы улыбнулись. Трое обнялись, и сцена выглядела на редкость тёплой.

Цзян Чэнъи чуть склонил голову набок. В его взгляде, обращённом к ним, было изучение и любопытство, но ни капли радости.

Так смотрят не на родных родителей, а скорее на какую-то новую пьесу, которую ещё не видели.

Когда худой юноша наконец устоял на ногах, взгляды супругов снова вернулись к Цзян Чэнъи.

— Ребёнок, поедem с нами домой!

Тон был горячим и искренним, совсем как у несчастных родителей, которые долго-долго искали родное дитя и наконец нашли.

Говорили они довольно громко, так что привлекли немало соседей: те начали выглядывать и коситься.

Цзян Чэнъи посмотрел на них, и на его лице появилась послушная, миловидная улыбка. Заметив удовлетворение, проступившее в глазах этих троих, он улыбнулся ещё шире.

— Давайте найдём место и как следует поговорим.

Супруги, похоже, тоже не хотели становиться зрелищем для соседей и быстро согласились.

Цзян Чэнъи закрыл это окно, отодвинул засов рядом и вышел через давно закрытую дверь маленького супермаркета.

— Пойдёмте, поговорим снаружи.

Он вовсе не хотел заводить этих людей внутрь.

Супругов это нисколько не заботило. Только тот худой юноша обернулся и посмотрел на супермаркет; в его глазах мелькнуло презрение.

Несколько человек подошли к чёрной машине, припаркованной неподалёку. Супружеская пара сама уселась впереди, оставив Цзян Чэнъи у двери.

Пока Цзян Чэнъи рассматривал дверцу и пытался понять, как открыть её без ручки, сзади протянулась рука.

— Старший брат, я помогу тебе открыть. У нас дома все машины такие, один раз посмотришь — потом уже сам сможешь.

Он нажал на какое-то место на двери. Раздался короткий «пик», и дверь медленно открылась.

Цзян Чэнъи внимательно посмотрел на юношу за спиной, ничего не сказал и забрался в машину.

Супруги на передних сиденьях, увидев это, удовлетворённо кивнули.

— Сяо И, пусть Сяо Ань и не твой родной брат, но зла он тебе не желает. Папа с мамой столько лет его растили, и вы обязательно будете любить друг друга, как родные братья.

Родные братья?

Эти три слова покрутились у Цзян Чэнъи на языке и едва не рассмешили его.

Приёмный сын сидел рядом. Услышав эти слова родителей, он чуть заметно отвёл взгляд.

Но очень быстро на его лице появилась мягкая улыбка, и он поддержал родителей:

— Мы ведь и так братья.

— Верно, верно, вы и так братья, — супруги, похоже, что-то поняли и тут же исправились.

Цзян Чэнъи прислонил голову к стеклу и неторопливо зевнул. Если бы они не пришли, он бы уже давно спал.

Всю дорогу трое говорили о том, как тяжело им было его искать, и от этих разговоров его клонило в сон всё сильнее.

Они нашли чайный дом. Едва войдя внутрь, Цзян Чэнъи заметил, как на лицах троих проступило лёгкое отвращение.

Стоило им сесть, как худой юноша не удержался и сказал:

— Здесь и правда слишком тесно. Даже отдельной чайной комнаты нет. Старший брат, когда ты приедешь в провинцию Жун, я приглашу тебя в одну чайную. Мы с папой и мамой очень любим там пить чай.

Цзян Чэньи подпёр подбородок одной рукой, выслушал его и негромко рассмеялся.

— О? Правда? А я вот чай не люблю.

Трое тут же застыли, возможно, не ожидая, что он откажет так прямо.

Увидев их реакцию, Цзян Чэньи улыбнулся ещё ярче.

— Кстати говоря, так вы, оказывается, из провинции Жун.

У супругов внутри всё будто застряло. Этот ребёнок улыбался так красиво, но почему в его словах им чудилась такая язвительность?

— Мы... разве... разве не говорили?

Цзян Чэньи в душе холодно усмехнулся: всю дорогу они снова и снова повторяли, как тяжело им было его найти, как он в будущем непременно должен их почитать, и прочую ерунду. Ни капли полезной информации.

Когда официант заварил чай остальным троим, Цзян Чэньи неторопливо пил специально заказанную кипячёную воду, а потом спросил:

— Простите, есть один вопрос, который я уже давно хотел задать. Позвольте узнать, какая у вас фамилия?

С момента их встречи прошло уже больше получаса. За это время его родные родители даже не представились.

Да что там представились — они даже фамилию свою так и не назвали.

Трое мгновенно остолбенели. Через некоторое время женщина неловко улыбнулась.

— А... наверное... мы слишком разволновались, потому что нашли тебя, и... забыли.

Разволновались-то они и правда сильно. Только непонятно, из-за чего именно.

Цзян Чэньи сделал ещё глоток кипячёной воды. Чашка легко стукнула о стол.

Обстановка вмиг стала молчаливой и неловкой. Мужчина почувствовал, как у него начинает побаливать голова, а радость от встречи с родным сыном сразу уменьшилась наполовину.

Этот ребёнок почему совсем не оставляет им лица?

— Прости, это ошибка папы с мамой, — он провёл ладонью по лицу и с трудом извинился, но взгляд его метался по сторонам и так ни разу толком не остановился на Цзян Чэнъи.

А его родной сын никак не отреагировал на извинение.

От этого настроение мужчины стало ещё хуже.

Всё-таки ребёнок, выросший в маленьком месте. Даже если поступил в престижный университет, эмоциональный интеллект всё равно не подтянулся.

Он про себя проворчал несколько фраз, глубоко вдохнул, а потом повесил на лицо улыбку, которой обычно пользовался с деловыми противниками.

— Моя фамилия Лу, Лу Фэйюнь. Твою маму зовут Вэнь Пэйин, фамилия Вэнь. Твоего младшего брата зовут Лу Цзинъань. Наша семья живёт в городе Цзиньгуань провинции Жун, дома у нас инвестиционная компания. Семья, можно сказать, довольно состоятельная.

«Довольно состоятельная» звучало весьма скромно, но Цзян Чэнъи знал: семья Лу была самой богатой в провинции Жун.

Отец Лу не стал упоминать этот пункт, и Цзян Чэнъи, разумеется, тоже не собирался сам поднимать тему.

Мужчина говорил долго. Между строк всё сводилось к тому, что семья богата, живёт обеспеченно, а значит, если Цзян Чэнъи вернётся домой, то тоже сможет жить так.

Для ребёнка из обычной семьи это действительно был соблазн, перед которым трудно устоять.

Он опустил глаза и молчал. Когда в груди смутно поднялось раздражение, рядом вдруг появилось тёплое дыхание.

Приёмный сын пересел ближе к нему. Между ними оставалось расстояние всего в пол-ладони.

— Старший брат, если ты вернёшься, тебе больше не придётся сторожить ту старую лавчонку. В будущем твоя жизнь обязательно станет лучше.

Одна фраза Лу Цзинъаня заставила отца и мать Лу вспомнить ту старую лавчонку, будто оставшуюся с каких-то давних десятилетий. Место было ещё и небольшое — наверное, всего несколько квадратных метров.

Они одновременно нахмурились. Согласно полученным ими данным, это было наследство, оставленное родному сыну его приёмным отцом. Судя по всему, среда, в которой ребёнок рос, наверняка была очень плохой.

Если бы он не унаследовал их мозги, наверное, даже в университет не поступил бы.

Цзян Чэнъи увидел в их глазах неприкрытое презрение, и раздражение внутри достигло предела.

Но на лице у него всё ещё была улыбка. На слова Лу Цзинъаня он возразил:

— А по-моему, моя нынешняя жизнь вполне неплоха. Денег, которые оставил папа, мне хватает.

Цок!

Презрение в глазах всех троих стало ещё глубже. И правда бедный мальчишка, который никогда не видел богатой жизни.

Но пока они презирали Цзян Чэнъи, они и не подозревали, что Цзян Чэнъи тоже презирает их.

Один — как отец не добр, как муж не верен, как друг не праведен, как торговец нечестен.

Вторая — как мать не ласкова, как жена не искренна, как дочь не почтительна, как чиновница не прямодушна.

А их приёмный сын... Цзян Чэнъи взглянул на худого юношу, который через слово называл его «старший брат». Этот человек жил словно призрак в нарисованной коже.

Улыбка — фальшивая. Вина — фальшивая. Скорбь — фальшивая. Даже... эта слабость тоже фальшивая.

Эта семейка из трёх человек была и правда очень интересной. Как папа тогда мог сказать, что они скучные?

Подумав о папе, Цзян Чэнъи больше не захотел терпеть.

Он поставил чашку. На этот раз звук был чуть тяжелее, чем прежде, и от этого стука у людей невольно ёкнуло сердце.

Под беспокойными взглядами троих он сложил руки, подпёр ими подбородок и с улыбкой

посмотрел на эту семейку.

— Давайте поговорим о чём-нибудь интересном. Например, зачем вы на самом деле пришли меня искать?

<http://bllate.org/book/17657/1718260>